

долженствование.

Модальная кваликативная категория целесообразности наряду с другими кваликативными категориями необходимости, возможности, желательности и долженствования представляет иерархическое полевое образование. Данные кваликативные категории взаимосвязаны с помощью общих средств выражения и имеют отличия в плане содержания.

Сознательным субъектом является говорящий, то есть автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация события как возможная, необходимая, желательная и т.д. В основе события находится собственно цель как желаемый или представляемый результат деятельности.

В сознании человека данная установка, стремление, как специфический характерный признак человеческой деятельности, получает отражение в понятийной категории цели, которая, в свою очередь, выражается определенной системой языковых средств. Итак, значение целесообразности является объективной по своему содержанию универсальной категорией, которая отражает характерную черту, свойственную исключительно человеческой деятельности. Специфика репрезентации субъекта в модальном значении целесообразности основана на том, что последний выражает мысли в соответствии с некоторой целью. Сама цель на эмоциональном и интеллектуальном уровне передает желание или стремление человека, направленное в будущее; она оказывает влияние на активность человеческой деятельности и «гармо-

ничное устройство мира».

Перспектива развития данного вопроса заключается в детальном описании критериев установления признаков, на основании которых определяется тип структуры макрополя целесообразности, соотношение центральных и периферийных компонентов. Предполагается рассмотрение семантических возможностей языковых средств и способов, выражающих отношения целесообразности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. – № 2. – С. 54.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2. – М., 1950. – С. 39.
3. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестник ЛГУ. – 1963. – № 23. – С. 52-63.

Н. Dubovik

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC STATUS OF THE CATEGORY OF EXPEDIENCY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: We take the functional-semantic approach to the analysis of the status of the category of expediency in our article. We describe the semantic structure of the sentence with the meaning of expediency, and develop the correlation of a modal qualificative category of expediency with other qualificative categories, such as: necessity, probability, desirability and ought.

Key words: semantics, syntax, modality, dictum, modus, expediency.

УДК 81'373.43

Дудин А.А.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «СКАЗАНИЯ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ...» С. А. ЕСЕНИНА*

Аннотация: Статья посвящена изучению лексического строя «Сказания о Евпатии Коловрате...» С.А. Есенина. Выделяются две основные лексические особенности поэмы: активное словотворчество и семантические аномалии. Результаты исследования позволяют охарактеризовать «Сказание» как поэтический эксперимент «серебряного века».

Ключевые слова: неологизм, лексические особенности, поэтический идиолект.

Есенинское «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» при жизни поэта в печати появилось лишь однажды — в 1918 г. Сведения об истории текста и его бытовании крайне скудны, черновик и автограф не сохранились. Давно

* © Дудин А.А.

вызывает обоснованные сомнения авторская датировка «Сказания» 1912 годом. Существует вторая, более известная редакция «Сказания» – «Песнь о Евпатии Коловрате», записанная С. А. Есениным в 1925 г. для печати в своем «Собрании стихотворений». Текст «Песни» значительно отличается от текста «Сказания», причём, по-видимому, мы имеем дело с редким случаем редактирования и исправления заведомо неполного текста.

Лексический строй «Сказания» весьма сложен. Его образуют слова различной природы: есенинские неологизмы (в том числе — потенциальные слова), диалектная, древнерусская, церковнославянская, фольклорная, просторечная и книжная лексика. Эта «маленькая поэма» является одним из наиболее экспериментальных в языковом отношении произведений С. А. Есенина. Актуальность изучения лексики «Сказания» обусловлена общим научным интересом к языку поэзии «серебряного века» и текстам русского авангарда.

Отдельные слова в разное время привлекали лингвистов и литературоведов, наблюдения которых, должно сказать, не всегда отличались лингвистической акрибией. Лексика «Сказания» в целом не изучалась. Цель нашего исследования — выявление основных лексических особенностей «Сказания», характеризующих его как своеобразный поэтический эксперимент «серебряного века». На основании комплексного, фронтального анализа на широком языковом фоне и техники «медленного чтения» это положение обосновывается впервые.

Главное место в изучении лексики «Сказания» занимает квалификация поэтических гапаксов. Иванов-Разумник сохранил единственное свидетельство самого Есенина о языке «Сказания»: «В бумагах моих должна была сохраниться запись перевода областных слов, составляющих стержень этой поэмы; в словаре Даля значительного числа этих слов не имеется. Из разговоров с Есениным помню, однако, что личного словотворчества в этой его поэме совсем не было» [1]. Упоминаемая Ивановым-Разумником запись областных слов неизвестна. Очевидно, что отсутствие лексикографической и вообще письменной фиксации слова не является доказательством его отсутствия в языке. Однако способ словообразования, особенности поэтического идиолекта, особенности семантики позволяют с большой степенью уверенности считать окказионализмами в «Сказании», по меньшей мере, два десятка слов. Примеры:

Настремнить коней в Московию. Можно объяснить только как контаминацию *настремить* и *стремля, стремени*. *Настремить* — либо диалектное слово (смол. *настрёмить* ‘устрелить, направить куда-либо [взгляд, взор]’, ‘задумать, решить что-либо’: *настремил идти на Украину* [2]), либо реализация Есениным потенциального слова (от *стремить*, ср. *устрелить*: *устрелить конницу на неприятеля* [3]).

Их поют от белой вызнати / Дохлопного сермяжника. Существительное *вызнати* — префиксальное образование от *знать* ‘аристократия, высшее общество’; по-видимому, не без аналогии с глаголом *вызнать*. О том, что слово *вызнати* — не диалектизм, свидетельствует отличное от литературного значение производящего *знать* в диалектном языке: ‘знакомые’ [4], ‘знакомые наши, кого знаем, с кем водимся, знаемся’ [5], ‘знакомые, знакомство’ [6]; ранняя фиксация в деловой письменности: *по старой знати* ‘по старому знакомству, по старой памяти’ (Донские дела, 1642 г. [7]). Слово *знать* в значении ‘аристократия’ стало употребляться в литературном языке с конца XVIII в., выражая новое для русской культуры понятие [8].

Не березки-белолипушки / Из-под гоноби подрублены. Слово *гоноби* образовано от рязанского диалектного глагола *гонобить* ‘мучить, утомлять’ или, возможно, от существительного *гоноба* ‘о чём-л. очень утомительном, тяжелом, связанном с хлопотами и заботами’ [9] посредством излюбленной Есениным нулевой суффиксации. Глагол *гонобить* в данном значении — довольно изолированное явление в русских диалектах; семантически продолжает праслав. **gonobiti* и, по-видимому, переходит в городское просторечие. Ср. в словаре Даля: *гонобить* ‘копить, беречь, припасать, собирать; делать или работать копотко, помаленьку, из остатков, обрезков’ [10].

От Ольги до Швовой заводи / Знают песни про Евпатия; И Ольгу ли волноватую / В молоко парное вспенивал. Гидроним *Ольга* является есенинским окказионализмом; его апеллатив — севернорусское диалектное слово *ольга* ‘топкое болото’ [11; 12; 13] (заимствовано из фин. *alho* ‘болото, низина’ [14]). Слово *ольга* Есенин, скорее всего, узнал из былины «Илья и Соловей», записанной П. Н. Рыбниковым в Прионежье: *Первая застава великая — ольги топучия;... И приехал он к ольге топучия* [15].

Утихала зыбь хлябучая. Взаимная транспозиция единиц словосочетания: *зыбь*

хлябучая ← хлябь зыбучая (в былинах *зыбучий* 'топкий' — постоянный эпитет к слову *болото*).

Список окказионализмов можно продолжить (*засынька, просулёна, танага, узёмный, устанице* и др.), но приведенных слов достаточно, чтобы понять: воспоминания филолога Иванова-Разумника противоречат языковой действительности. При этом о рязанской диалектной речи поэта сохранилось интересное свидетельство. В 1950-е годы художник Ю. П. Анненков написал о встрече с Есениным зимой 1916 г.: «На следующий день, за утренним чаем, Есенину приглянулась моя молоденькая горничная Настя. Он заговорил с ней такой изоощренной фольклорной рязанской (а может быть, и вовсе не рязанской, а ремизовской) речью, что, ничего не поняв, Настя, называвшая его, несмотря на косоворотку, „баринот“, хихикнув, убежала в кухню» [16]. Действительно, иногда трудно определить, где «рязанское», а где «ремизовское». Но упрощать реальную картину есенинского поэтического языка из-за этого не следует. Так, известный литературовед Ф. П. Юшин полагал, что «в языке земляков чуткое ухо Есенина уловило золотые россыпи поэзии, и он ввел ее в „Сказание“ в первоизданном виде» [17]. Очевидно, что каждое слово требует отдельного рассмотрения не только в контексте «рязанских говоров», но прежде всего в лингвопоэтических исканиях начала XX в. — поэзии Н. Клюева, А. М. Ремизова, Вяч. Иванова, С. Городецкого и др. Ведь прочитал Есенин Иванову-Разумнику «Сказание», когда речь зашла о «заумной поэзии» и творчестве Хлебникова.

Другая особенность лексики «Сказания» — семантические аномалии. В заглавии поэмы наименование Троеручицы — *о цвете Троеручице* — соотносится с устно-поэтическим *свет*. Тем самым разрушаются церковнославянские метафоры-наименования Богородицы *цвет (цветок) нетления* (греч. *ánthos tes aphtharsías*), *неувядаемый цвет*. Нарушена сочетаемость слова *угодник*: *спасугодниче* (угождающий Богу и сам Бог в одном лице). Наречие *посолонь* употребляется в качестве существительного: *И укромы крутоборые // Посолонью зачаведели; Выходил с воды на посолонь*. Единственная аналогия этому — в былинке «Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем», записанной А. Д. Григорьевым: *А посмотрел он во дутоцьку подзорную // А на то же на посолонь соньця красного* [18].

Иногда аномалия не явно выражена, и

требуется «медленное чтение», подробный лингвопоэтический анализ. Возьмем слово *курвяжиться* в необходимом расширенном контексте:

*Возговóрит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».*

*Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».*

Оборот *он пьет не пьет* в языке великорусских песен синонимичен обороту *он пить не пьет*:

*Веселая компания,
Где миленькой пьет;
Он пьет, не пьет,
Голубчик мой,
За мной молодой шлет* [19].

Веселая беседушка, где мой милый пьет.

Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, молодой, шлет [20].

Чаша из черепа побежденного — не только символический предмет, но и часть ритуала. Пить из нее победителю необходимо. Повесть временных лет под 972 г. сообщает, что печенеги *убиша Святослава, [и] взяша главу его и во лбе его сгделаша чашю, оковаше лобъ его, и пьяху по немь* [21]. «Предводитель степи» в «Кубке печенежском» В. Хлебникова говорит: *Знаменитый сок Дуная / Наливая в глубь главы, / Стану пить я, вспоминая / Светлых клич: «Иду на вы!»*. По-видимому, пить из такой чаши Батыю мешает сказочный *русский дух*: *оглянётся да понюхает*. Пахнуть может и кость, из которой сделана чаша: в сказке «Иван Сученко и Белый Полянин» Змей чует героя: *фу, русска кость воня*; царевна говорит на это: *Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!* [22]. Есенинский Батый наделен демоническими, потусторонними чертами, и *русский дух* противен ему так же, как змею и бабе-яге. Далее Есенин следует другому фольклорному мотиву: тын вокруг двора Соловья Разбойника, на каждой «тычинке» которого по «маковке богатырской»; обвешанный человеческими черепами тын избы бабы-яги. Поэт создает окказионализм *тыновье*, по-видимому, по образцу архаических и диалектных собирательных существительных *снопо-*

вье, кустовье. Сила русская здесь в значении 'войско, воинство', даже с акцентом на телесности — как совокупность плоти русских воинов: только головы годятся на то, чтобы их повесить на тын. Невнимание к оттенкам значения породило утверждение литературоведа К. Л. Зелинского во вступительной статье к пятитомному собранию сочинений С. А. Есенина: «вся сила русская согдилась только на то, чтобы тын городить» [23].

Слово *курвяжиться* имеет только позднейшую письменную фиксацию в распространенных в интернете словариках инвективной лексики с толкованием 'гулять с курвами'. Конечно, это свидетельствует не о недавнем возникновении слова, а о дефектности и избирательности письменной фиксации вообще, в особенности — применительно к просторечию и другим «низким» слоям лексики. «Словарь русских народных говоров» дает единственную фиксацию начала XX в. для глагола *курвяжничать* 'развратничать' (олон.) [24]. *Курвяжиться* образовано от *курвяга* 'развратная женщина' (твер., пск., смол., нижегор.), последнее — от *курва*, часто встречающегося в языке фольклора. Первоначальное значение слова *курва* — 'курица': праслав. **kury*, основа ж. р. на -y/-ъv (û), производная от **kurъ* 'петух' [25]. Семантическое развитие 'курица' → 'развратная женщина' прозрачно, ср. франц. *cocotte* 'курочка', 'женщина легкого поведения' (отсюда *кокетка*) от *coq* 'петух'. Мотивацию такого семантического развития хорошо поясняет позднесредневековый русский книжник: *Блудниі домовниа кокоши на всяко время спреженіе иму^m* [26]. Производные слова *курва*, по данным СРНГ, принадлежат севернорусским и северной части среднерусских говоров, что склоняет соотносить есенинское словоупотребление скорее с печатными фольклорными текстами, чем с рязанской живой лексикой. Таким образом, стилистически словоупотребление оправданно: грубая лексика часто встречается в языке фольклора: *курвяжка* 'развратная женщина' (сборник А. Д. Григорьева), *курвяжище* 'о развратной бабе' (сборник А. Ф. Гильфердинга) [27]. Однако собственно значение глагола *курвяжиться* в есенинском «Сказании...» никак не связано с показанной нами выше специфической семантикой гнезда *курв-* в русском языке. Глагол *курвяжиться* десемантизируется и приобретает некоторого рода «кажущееся значение» (Ю. Н. Тынянов), которое вне поэтического контекста не существует. Но из контекста также трудно понять значение. Возможно, глагол *курвя-*

житься обозначает некое неприятное состояние, в котором пребывает Батый.

Итак, основными особенностями лексики «Сказания о Евпатии Коловрате...» являются: 1) активное авторское словотворчество; 2) семантические аномалии. Также лексическому строю «Сказания» свойственны обилие устно-поэтической и диалектной лексики, ориентация на «Слово о полку Игореве», использование общей лексики древней письменной литературы и устной поэзии. Всё это — черты особого диалекта поэтического языка серебряного века. Вяч. Иванов называет его *всеславянским языком*: «Чрез толщу современной речи, язык поэзии — наш язык — должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» [28]. О. Мандельштам — *этимологической ночью*: «Когда прозвучала живая и образная речь „Слова о полку Игореве“ — насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, — началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература „Слова о полку Игореве“» [29].

Таким образом, язык «Сказания о Евпатии Коловрате...» заслуживает самого пристального внимания как своеобразное явление в поэзии серебряного века, как самобытный и смелый есенинский поэтический эксперимент. Изучение «Сказания» представляется перспективным не только на лексическом, но и на других уровнях языка в различных аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. по: Субботин С. И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни о Евпатии Коловрате» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II. — М., 1995. — С. 64.
2. Словарь русских народных говоров. Вып. 20. — Л., 1985. — С. 199.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — М., 2000. — С. 516.
4. Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852. — С. 71.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 2000. — С. 688.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 11. — Л., 1976. — С. 312.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. — М., 1979. — С. 52.
8. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000. — С. 202.
9. Словарь современного русского народного говора

- (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). — М., 1969. — С. 121.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 2000. — С. 374.
 11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. — М., 2000. — С. 672.
 12. Словарь русских народных говоров. Вып. 23. — Л., 1987. — С. 192.
 13. Никольский А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: материалы и комментарии. — Рязань, 2007. — С. 21.
 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. — М., 1987. — С. 137.
 15. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. Т. 2. — М., 1910. — С. 295.
 16. См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. В пяти томах. Т. 1. 1895—1916. — М., 2003. — С. 317.
 17. Юшин П. Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. — М., 1969. — С. 168—169.
 18. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. III. — СПб., 1910. — № 364.
 19. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. (Песни обрядовые). — М., 1911. — С. 214.
 20. Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. II. — СПб., 1896. — С. 220.
 21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. — М., 1997. — Стб. 74.
 22. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Вып. 5. — М., 1861. — С. 245.
 23. Есенин С. Собрание сочинений. В пяти томах. Т. I. — М., 1961. — С. 19.
 24. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. — Л., 1980. — С. 114.
 25. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 13. — М., 1987. — С. 132.
 26. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. — М., 2000. — С. 145.
 27. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. — Л., 1980. — С. 114.
 28. Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Вяч. Иванов. По звездам. — СПб., 1909. — С. 244.
 29. Мандельштам О. Э. О природе слова // О. Э. Мандельштам. Слово и культура: Статьи. — М., 1987. — С. 58.

A. Dudin

LEXICAL PECULIARITIES OF «THE STORY ABOUT EVPATIYA KOLOVRAT» BY YESENIN

Abstract: The article is devoted to study of the lexical system of Yesenin's Tale of the Evpatij Kolovrat. The specific features of Yesenin's poem are active word creation and semantic anomalies. The research results make it possible to describe the Tale as the poetic experiment of the "silver age".

Key words: neologism, lexical peculiarities, poetic idiolect.

УДК 482

Жучкова Н.В.

БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Б. АКУНИНА)*

Аннотация: Безглагольные императивные высказывания активно функционируют в разговорной речи, и выявление закономерностей взаимодействия синтаксической системы разговорной речи с конситуацией оказывается одной из важнейших задач современной синтаксической науки.

В данной статье делается попытка рассмотреть функционирование безглагольных императивных высказываний в разговорной речи в качестве компонентов полипредикативных конструкций и описать смысловые отношения внутри высказывания на обширном языковом материале произведений Б.Акунина.

Ключевые слова: безглагольный императив, разговорная речь, конситуация, полипредикативная конструкция.

Безглагольные императивные высказывания (далее – БИВ) наиболее интенсивно функционируют в разговорном коммуникативном акте, где высказывание находится в тесном взаимодействии с конситуацией. Синтаксическая система разговорной речи (далее – РР) будет адекватно описана только тогда, когда удастся понять закономерности этого взаимодействия. Вне соответствующей конситуации ни синтаксическая, ни смысловая структура многих высказываний РР не может быть осмыслена: *Что ты кистью де-*

* © Жучкова Н.В.